

АНДРЕЙ КАЙГОРОДОВ

Серенада поющего ветра

СТИХИ И ПРОЗА

Андрей Кайгородов Серенада поющего ветра. Стихи и проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36969647

ISBN 9785449336958

Аннотация

«Как хочется порой послать всех к черту. Бросить все. Запить, забыть, захлопнуть дверь, задернуть окна. И просто утонуть в безбрежной пустоте холодных серых стен, В белесом снеге потолка, в траве паласа, в мягкой коже кресла...».

Содержание

Сны	6
Крест	8
Как хочется...	10
Одиночество мое	12
Край березовый	14
Жизни новая струя	15
Кораблик	17
«Я видел, как снег серебрится на солнце...»	19
Город мой	20
Молитва современного человека	21
Цветы	22
Чуточку больше	23
«Русь моя – зеленая тоска...»	24
Тайна сна	25
Август	26
«Когда молча бредешь домой...»	27
Утро сентября	28
Жизни воск	29
«Столица вся в дожде, по брюхо, по колено...»	30
Трамвайчик	31
Жили-были	33
Скрипач над городом летел	34
Звучала музыка	35

Хочется напиться	36
Улисс	38
Офелия	40
Прощаемся. Утро	42
Подсолнух	43
О вечном	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Серенада поющего ветра

Стихи и проза

Андрей Кайгородов

© Андрей Кайгородов, 2018

ISBN 978-5-4493-3695-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СНЫ

Где-то очень глубоко, там, на дне наших снов, живет Бог,
Простуженный и печальный, с копной седых волос,
с глазами цвета тайны.

Он держит на ладонях дыханье сказочного мира,
Мелодию всех бед и слез, и звуки радостей эфира.

Он лепит чаши наших снов и наполняет их водой,
И отраженье в глади вод завешивает пеленою.

Сквозь эту пелену на свет выходят призраки ночные,
С улыбкой в десять тысяч лет и обликом не уловимым.

Их голоса полны тоски, как похоронные напевы,
Глаза печальны и пусты, как статуи окаменелы.

А мы как бабочки на свет, летим, страшась своих
поступков,

И наших снов полночный бред не кажется нам чьей-то
шуткой.

Насмешкой злой над нашей явью, над нашим жизни
прозябаньем,

Мы в этой сказочности сна, блуждаем в лабиринтах
комнат,

Встречая чьи-то имена, давно умерших, незнакомых.

Они бесполое скитальцы, зовут нас в лучший из миров,
В пучину сна, покровы тайны, безумства сказочных
шатров.

Где дев податливые лона огня и сладости полны,

Где льются реки самогона, где ломаются от яств столы.
И мы идем за ними следом, не веря счастьем своему,
И просыпаемся к обеду, стирая вязкую слюну.
И день нам кажется унылым, пустым, безрадостным,
простым,
А мир обыденным и серым, не замечаем мы, что спим.
Нам снится сон о нашей жизни, мы в нем живем, копя
грехи,
А Бог взирает безучастно, даря нам новых сказок сны.

Крест

Исхудала душа моя, в раздумьях и муках,
Вся покрылась коростой и шрамами,
Ноет ночью, как нерв изгнившего зуба,
И смердит стихами похабными.
Я топлю эту скверну в стакане хмельном,
Изрыгаю под утро с кровью,
Как же хочется мне пробежать босиком,
По травой накрытому полю.
Утонуть в синеве васильковых небес,
К милой маме прижаться щекою,
Но весит на груди моей маленький крест,
И тяжелый крест за спиною.
Я несу его в суете городов,
По колдобинам и ухабам,
По тропам моих друзей и врагов,
По возвышенностям и ямам.
Этот крест мне доверен судьбою моей,
И иной мне не нужно судьбины,
Мне Господь помогает нести этот крест,
От рождения и до кончины.
И когда я умру, и сырая земля,
Мое брренное тело поглотит,
Крест могильный останется после меня,
Позабытый и одинокий.

Как хочется...

Как хочется порой послать всех к черту. Бросить все.
Запить, забыть, захлопнуть дверь, задернуть окна.
И просто утонуть в безбрежной пустоте холодных серых
стен,
В белесом снеге потолка, в траве паласа, в мягкой коже
кресла.
Уйти из мира суетных реалий в иллюзию, мерцание
свечи.
И наслаждаться тишиной покоя.
Не плакать, не смеяться, не страдать. Молчать.
В молчанье, постигая иные параллели бытия,
Что медленно, без суеты, текут вне берегов,
Не ведая законов притяжения, морали, этики, законов
права.
Вдыхать курительную смесь, душистых трав и табаков
пахучих,
И выпуская через ноздри дым, почувствовать себя
драконом,
Китайским божеством, сошедшим с неба в шелковые
свитки.
И стать иероглифом буддийских мудрецов,
В котором заключен весь сущий мир,
С его многообразьем обитанья,
Живых существ, материй и следов,

Оставленных, монахом на песке,
На берегу седого океана.
Восстать из пепла, превратиться в прах,
Рассеянный по ветру над горами,
И горным эхом тихо прозвучать,
Вплетаясь в ноты сказочных мелодий.
Как хочется порой закрыть глаза
И ни о чем не думать, и не знать,
А тихо плыть, послушно воле ветра,
И вылиться дождем, и прорасти
Побегом божьим в солнечное лето.
И бабочкой порхать над васильками.
Как хочется порой.
Ах, кто бы знал.

Одиночество мое

Из ниоткуда в никуда,
Тропой, не знающей начала,
Не доходящей до конца,
Я брел по жизни одичало.
Сквозь пелену сонливых дней,
Под звуки ветреных напевов,
От смеха пьяных королей,
В опочивальни дев несмелых.
Я проплывал по облакам
Блаженства, неги и истомы,
И пил божественный нектар,
Вкушая сладостные стоны.
Я опускался вглубь земли,
Мешаясь с грязью под ногтями,
И искупал свои грехи
Солеными, как кровь слезами.
Я умирал сто тысяч раз,
Отравленный своей любовью,
Предательством любимых глаз,
Бездушьем, ненавистью злою.
И воскрешаясь вновь и вновь
Я прорастал побегом божьим,
И опьяняясь жизнью, кровь
Влекла меня по бездорожью.

Все в те же сточные канавы,
В тот же разврат хмельных утех,
В раскаянья кипящей лавы
В любовь, мечтательность и грех.
И в том пути по бездорожью
Со мною вместе, заодно
Шло одиночество мое.

Край березовый

Я люблю эту синь небесную,
В белых оспинках облаков,
Бесконечную даль безбрежную,
Что пьянит молодецкую кровь.
Это рыжее солнце подсолнухом,
С яркой гривой желтых волос,
Эту землю, покрытую золотом
Листопада осенних берез.
Я пленен тихой грустью задумчивой,
Мутной заводи, в блесках зари,
Песней иволги, всплеском утренним,
Вековой, мудрой реки.
Я люблю тебя, край березовый,
Диких трав душистый настой,
Я повенчан с твоими грозами
И распят на кресте с тобой.

Жизни новая струя

Быстро время пролетело,
Солнце село, месяц встал.
Небо звездами горело,
В будке старый пес дремал.
В доме печку затопили,
На плите согрели щи,
Стол накрыли, сами сели
И беседу завели.
Говорили о погоде,
Урожае и делах,
О политике, народе,
Городах и областях.
Обсудили всех знакомых,
Кто в разводе, кто женат,
Кто скончался в прошлом годе,
Этот беден, тот богат.
Кот мурлыкал, печь трещала,
Лилось по губам вино,
Вот и песня зазвучала,
Скрипнуло веретено.
Грусть, печаль уныньем томным,
Разлетелась по углам,
И блаженною истомой
Разлилась по сторонам.

Песни смолкли, печь потухла,
Сон вступил в свои права,
Лишь от окон светом тусклым
Отражается луна.
Но взойдет сквозь мрак ленивый
Солнце яркое к утру,
И проводит петушиный
Крик рогатую луну.
Дом проснется, сбросит сети
Липкого, густого сна
И начнется, и забьется
Жизни новая струя.

Кораблик

Весна – люблю тебя за это небо,
За голубую пастораль,
За то, что солнцем ты согрета,
И гонишь прочь тоску печаль.
Люблю твой вольный, теплый ветер,
Любвеобильную капель,
Котов отчаянные трели,
И нежных красок акварель.
Бегут ручьи и дети мокнут,
По лужам прыгая смеясь,
И я, смотря на это чудо,
Как будто в детство возвратясь,
Бросаю, в буйных волн стихию,
Кораблик – тонкую щепу,
И грязный, мокрый, но счастливый
Вслед за корабликом бегу.
Его несет поток бурлящий,
В стремнину будущих невзгод,
В водоворот годин свербящих,
Дней, разрывающих поток.
Привычного течения жизни,
Уж боле нет.
Но тот кораблик неказистый,
Оставил в сердце яркий след.

И каждой новою весною,
Смотря на детскую игру,
Я тот кораблик вспоминаю,
И вместе с ним, иду ко дну.

«Я видел, как снег серебрится на солнце...»

Я видел, как снег серебрится на солнце,
Пачкаясь в пальцах бесцветных прохожих,
Как псы заедали им тяготы жизни
И дети, смеясь, в нем мокли от счастья.
Я слышал, как ветер поет свою песню,
Как облака ему в такт подпевают
И кружатся в вальсе пары снежинок,
Влюбляясь, целуясь и исчезая,
В бархатных снах крахмальных сугробов.
Под музыку нежную снежного бала.
Я думал о том, что для полного счастья,
Мне в жизни твоей любви не хватало.

Город мой

Еще из белой скорлупы не вылупился город мой.
В снегу деревья и мосты, и лед, как панцирь над рекой.
Унынья серый небосвод, висит над городом моим.
И дней тоскливый хоровод летит, гонимый ветром злым.
И вот, как чудо, в город мой, с грачами прилетит весна.
И по проезжей мостовой ручьями побежит вода.
Набухнут почки на ветвях, и в малый срок,
Зазеленеет город мой, и вдоль дорог,
Деревьев кроны зашумят густой листвой.
И дивным садом зацветет, любимый город мой.

Молитва современного человека

Прости нас Господи за вечное унынье,
За алчность, сластолюбия грехи,
За сквернословие и саморазрушенье,
За пьянство и похабные стихи.
Прости нас Господи за трусость и неверье,
За жадность искалечившую мозг,
За извращения и клятвопреступленья,
За глупость и невежества пороки.
Прости нас Господи, однажды потерявших
Добро сердец и веру в небеса,
Прости нас Господи, от скуки одичавших
И ненавидящих весь мир и в нем себя.
Прости нас Господи, отравленных цинизмом,
Забывших про любовь и красоту,
Прости нас Господи, за приступы садизма,
За эту вечную треклятую войну.
Прости нас Господи кричащих, что ты умер,
Прости нас Господи за этот грешный мир,
Прости нас Господи за то, что понимаем,
Но, несмотря на все это, творим.

Цветы

Цветы не хотят умирать в понедельник,
Им хочется чистой прохладной воды.
Они утомленно грезят надеждой
И засыпают в мерцанье звезды.
Сутки спустя белокрылые боги
Запах их дивный уносят с собой.
А мы пьем чай, наслаждаясь изжогой
И говорим о чем-то с тобой.
О состоянии трубопровода,
О новых фильмах и вкусной еде,
О матриархальных законах природы,
О прочей гадости и ерунде.
Совокупляясь, куря сигарету,
Слушая музыки твой сивый бред,
Я поднимаюсь по парапету,
Прыгаю вниз и падаю вверх.
Долго лечу среди помоек и кухонь
В ссоры и ругань, пьянство и хмель
И опускаюсь кактусом в уголь
И улыбаюсь холоду стен.

Чуточку больше

От чего ты молчишь моя радость,
От чего ты поешь моя грусть,
Я несусь вдоль по этим ухабам
И когда-нибудь расшибусь.
Распластаюсь на пыльной дороге
Кровью строчек убитых стихов
Мои слезы вам лягут под ноги
Ароматом весенних цветов.
Моя боль ветерком одичалым
Ваших щек не заставит краснеть,
Ваших душ не дотронется жало,
Что пронзило меня, моя смерть
Повенчает на веки с землею
Прах мой бренный, душа к небесам
Полетит песней грусти застойной
И быть может, покажется вам,
Что на небе в чернеющей дали
Среди тусклых и блеклых светил
Стало чуточку меньше печали
Стало чуточку больше белил.

«Русь моя – зеленая тоска...»

Русь моя – зеленая тоска.
В жилах рек с прозрачной пресной кровью,
Широка, щедра твоя душа,
Велико твое вселенское раздолье.
В небо купала твои глядят,
Славят Господа, злаченными крестами,
Нищие на папертях стоят,
С распростертыми для подати руками.
Обнищал твой праведный народ,
Захирел и телом и душою,
Сутками и литрами все пьет,
Окунувшись в нечистоты с головою.
Русь моя – тоска моя, печаль,
Разворована, разграблена, распята,
Никому тебя уже не жаль,
Никому уж ты теперь не свята.
Лишь березы белые твои,
Отражаясь в рек небесной глади
Все плывут, как в море корабли,
И колышутся по ветру словно флаги.

Тайна сна

Тайна сна пробуждаясь на веках,
Каплей горькой повисла в пространстве,
В уголке задремавшего глаза.
Серенады прозрачных мелодий
Растворились в ее океане,
Разлились звуком сладких видений.
В островках благодатной истома
Чудотворны пьянящие ноты,
В бесконечных глубинах вселенной.
В нежном шорохе утренней неги,
В райских гущах цветущих соцветий,
Как прекрасно быть бабочкой нежной.
И с лучами рассветного неба
Потерять ощущение яви
И разрушить таинственность счастья.

Август

Этой сладостью августа небо пропитано,
Патокой воздух скрипит на зубах,
Небосвод, словно яблоня, осыпается звездами,
Листьями падая к нашим ногам.
Дремлет земля в ожидании осени,
Плача росой по утру,
Птиц перелетных, в небесные проседи,
Клином вбивая тоску.
Все в ожидании красок причудливых,
Пасмурных, долгих дождей,
Август, Отягощенный плодовыми бусами,
Тихо шагает по жизни моей.

«Когда молча бредешь домой...»

Когда молча бредешь домой,
Возвращаешься ночью позднею,
Смотришь – звезды над головой,
С неба падают, пахнет осенью.

Утро сентября

Я лягу спать, проснусь и будет осень,
Холодный ветер и колючий дождь,
Клен станет красным, день короче,
И слишком длинной, тягостная ночь.
Я лягу спать, проснусь и позабуду,
Закаты августа, июльскую жару,
Траву духмяную и сладость поцелуя,
Украденного мной у девушки в саду.
Я лягу спать, что б не прощаться с летом,
Пускай оно уходит уходя,
Пусть тихо это лето канет в Лету,
И осень встретит утро сентября.

Жизни воск

Снова осень, мне не спится
И в душе ютится грусть,
Снова белые страницы,
Снова водкою лечусь.
За окном луна оскалась
Душу рвет напололам,
Пес приبلудный где-то лает
На веселый хохот дам.
Ночь, бродяга ветер воет,
Треплет желтую листву,
И своим протяжным воем
Навевает мне тоску.
Одинокое безумство
Мою клетку стережет
И оплавленной свечою
Жизни воск моей течет.

«Столица вся в дожде, по брюхо, по колено...»

Столица вся в дожде, по брюхо, по колено,
Залита и отравлена тоской.
Сырое не жующееся небо,
Скребу устало нервной рукой.
Пью водку, не хандра, печаль немая,
Застряла в горле, словно рыбья кость.
На улице гудят машины и трамваи,
Не в силах ни себе, ни мне помочь.
Нет сил на все это смотреть с довольной рожей,
И улыбаться, ожидая холодов,
Быть может, я когда-то был моложе,
Но осенью всегда не много слов.
И кажется, довольно листьям падать,
И лить дождю с утра и до утра,
Нет не хандра, скорей бы уж декабрь.
И новый год, а там уже весна!

Трамвайчик

Я понял, что слабость не поэтична,
Сила таланта сошла на нет.
Жизнь сама по себе трагична,
А к тридцати превращается в бред.
В сорок тупик, не сна, не покоя.
Осень души, дожди и тоска.
Рваное небо над головою,
А под ногами листва.
В голову хмель, бес в ребро, Богу свечка.
Лень, да хандра, затяжные дожди.
Жизни огарок, колет сердечко,
Но Боже, сколько в нем было любви.
Сколько в нем было света и счастья,
Литров и струн, скрипов и встреч,
И все же где-то пряталось счастье,
Вряд ли я знал, как его уберечь.
Счастье, как маленький солнечный зайчик,
Скачет по полу и потолку,
Счастье это старый трамвайчик,
В который запрыгнул ты на ходу.
Но мерзкий кондуктор проверил билеты,
А у тебя лишь в карманах дыра.
И вот уже ты шагаешь по рельсам,
Не зная зачем и не зная куда.

Мир для тебя стал серым и блеклым,
Осень и за дождями дожди,
Скоро зима заметет все дороги,
И больше уже не будет весны.
Кто-то другой молодой и наивный
Займет твое место в трамвайчике том,
И на мгновение станет счастливым,
А то что потом, будет потом.

Жили-были

Были люди, были, были...
Что-то ели, что-то пили.
Воевали и любили.
Плохо, бедно, все же жили.
Жили люди, жили, жили.
Землю на руках носили,
Не жалели люди силы,
Рвали люди жилы, жилы.
Живы были, живы, живы.
Жили и не для наживы,
И рождались и крестились,
И с молитвой спать ложились,
Жили, жили не тужили,
Жали рожь, траву косили,
В праздник хоровод водили,
Сладку брагу пили, пили.
Воспевали жизни свет,
А теперь их больше нет.
Жили люди, жили-были.

Скрипач над городом летел

Скрипач над городом летел,
Как летний дождь лилась музыка,
И где-то пел церковный хор,
И голос твой звучал так тихо.
Я шел и думал, жизнь моя,
Как быстро время пролетело,
Я не успел, не стал. Несмело
Ты под руку взяла меня.
Вот у меня есть дом, слова,
Фасоль, разбавленное пиво,
Все это не было, иль было,
Со мной, а может без меня.
И словно луч сквозь толщу пыли,
Неясный образ давних лет,
И те кто были в раз уплыли,
Их больше нет, их больше нет.

Звучала музыка

Звучала музыка, в котле кипели щи,
Ты говорила что-то, я курил,
Смотрел в окно, мерцание звезды,
И воздух благостный, как майский ветер плыл.
Ты вспоминала, нежный голос пел,
Минорным скерцо, выжженной травой,
Давно, когда-то был я юн и смел
И ты тогда была совсем другой.
Я помню крылья, помню небеса,
Как мы летели под собой не чуя ног,
А за окном зажглась еще одна звезда,
И землю стылую покрыл снежок.
Звучала музыка, в котле кипели щи,
Ты говорила что-то о зиме.
О дед морозе, елке и вине,
А я курил, курил, курил...

Хочется напиться

Вот говорят погода мерзость – хочется напиться,
Мне представляется совсем иной расклад.
Погода дрянь, суть дела ведь не в этом,
А в том, что хочется напиться в хлам.
А хочется напиться водки с огурцами,
С селедкой пряной, сдобренной лучком,
С капустой квашенной, с рассолом помидорным,
С мясным румяным пирогом.
Пить рюмками, без выкриков, без тостов,
Без глупых поздравлений и похвал,
Пить молча, утирая слезы, пить иступлено,
Словно раньше не пивал.
Пить до утра, до забытья, до рвоты,
Пить, словно пропиваешь этот мир.
Но все мечты, да поиски работы,
А вечером истерика жены,
Мол, пахнет сигаретами и пивом.
Что трутень, тунеядец, дармоед,
Устроился, на всем готовом, гнида,
А что тут возразишь, все так и есть.
Смотрю в окно, молчу, не возражаю,
Тоскливо на душе, погода дрянь,
Включаю чайник, чаю наливаю.
Пью молча, собираю чемодан.

Улисс

В пустынном городе, в уютном склепе улиц,
По обезвоженной непаханой земле,
Я просто брел домой усталый, пьяный Улисс,
С горой подарков, за плечами в рюкзаке.
Я возвращался, победивший Трою,
В свою Итаку, в райский уголок,
К той, что мне в дар наречена судьбою,
К той без кого я не дышать, не жить не мог.
Пленный звездами и проклятый богами,
На одиночество, скитанье и нужду,
Я плыл, барахтаясь в стихиях мироздания,
Играя в жизнь свою, как в некую игру.
В харчевнях обветшалых и убогих,
Давясь соленою селедкой на обед,
Я пил их огненное пойло до изжоги,
И мне Калипсо делала минет.
Заламывая пальцы от истомы,
Я бормотал сорвавшись в забытьи,
И облик моей нежной Пенелопы,
Мне грезился сквозь грязное окно.
А утро хуже Сцылы и Харибды,
Рвало меня, тащило по частям,
И жизнь моя в свинеющие литры,
Катилась кубарем ко всем чертям.

Я был не жив, не мертв, по водам Стикса
Угрюмый старец вез меня в туман,
Веслом корежа гнойных трупов лица,
Он вел свой челн послушный по волнам.
Богиня сумрака трехликая Гекада,
Ночных видений, тайн и колдовства,
Гадала по изрытому руки моей пейзажу,
Ногтем, как бритвой, борозды чертя.
И нагадала мне, не скоро, но вернуться
В родной чертог, обитель счастья моего
И мир казалось вновь перевернулся,
И я очнулся посреди него.
В пустынном городе, средь одиноких улиц,
С тоскливыми глазами фонарей,
Я просто брел домой, усталый пьяный Улисс,
С очередной пирушки от друзей.

Офелия

Холодно. Барышня мерзнет.
Я пою ее алкоголем.
Еще пару рюмок за здоровье и
Мы будем греться в постели.
Ее губы горят от водки,
Мои руки трясутся от страсти.
А под теплой вязанной кофтой,
Бьется пьяное девичье сердце.
Я жилетка, поплачься родная,
Тронь души своей арфу слезами,
Пусть поют твои медные струны,
Диким воплем затравленной суки.
И она иступлено воеет,
Морду волчью задрав к абажуру,
И стремительным бурным потоком,
Океаны соленого горя,
Накрывают меня, как цунами,
Разрушая прибрежные порты,
Превращая все в прах и забвеньё.
В мои уши вползает неспешно,
Полк внештатных солдат с орденами,
За измену, за трусость, за слабость, за леность,
И я вижу их черное знамя.
Знамя похоти и порока,

Знамя плотских, земных наслаждений.
Стройсь, направо!!! И я понимаю,
В этом длинном строю я последний.
Я душу ее долго подушкой,
Пока тонкие нежные пальцы
Не становятся ветками ивы,
И вульгарные телодвиженья
Затухают с биением сердца.
Смуглый бархат юного тела
Будоражит мое воображенье
Водка лечит простуженный кашель,
Проступая каплями пота.
Я мешаю кобальт и умбру,
Март, кладу трепещущий мастихином,
И в зеркальную гладь водоема,
Погружаю тело любимой,
Увенчав ее платье цветами.
Растрепав пряди светлых волос.
Спи Офелия, спи моя радость,
Ты воскреснешь и будешь жить вечно,
В теплой дымке масляных красок,
В тонких нитях китайского льна.

Прощаемся. Утро

Прощаемся, утро. Она,
Прячет улыбку потресканных губ.
Курит, старается не смотреть мне в глаза.
Я провожаю ее до порога.
Извини – голос ее еле слышен —
Больше уже не приду никогда.
Было плохо?
Нет, но этого хватит,
Есть муж у меня. А у тебя есть жена?
Прощаемся, утро. Уже навсегда.
Полночь. Прилег. Звонок телефонный.
– У аппарата!
– Привет, это я. Ты не ответил.
Я улыбаюсь.
– Нет.
Стук в дверь. Открываю. Она.
Прощаемся. Утро.

Подсолнух

Она послушна воле моей,
Держится за руку боясь потеряться.
Я целую ее на глазах у людей,
Она не думает сопротивляться.
Я пишу для нее по сто стихов в день,
Готовлю обед и мою посуду.
Она всегда молчалива как тень,
Смотрит в окно и пьет минеральную воду.
Женщина, зачем я вам?
Задаю ей вопрос на засыпку.
Она поднимает плечи, мол, догадайся сам,
И обнажает, словно лезвие бритвы, свою улыбку.
Я не хочу делать прогнозов и просто смотрю в окно,
Очень многого в этой жизни не понимая.
Мне всю жизнь почему-то казалось, что я Пьеро,
С дикими повадками аргентинского попугая.
Зачем я тебе? – задаю я повторный вопрос,
И вновь не дождавшись ответа, выхожу на воздух,
В, уныньем морозящий, простуженный дождь,
Рассыпая на землю горстями любовь,
Словно семечки перезревший подсолнух.

О вечном

Писать о вечном каждый день,
Минут по двадцать, но не боле.
Смотреть, как тихо бродит тень
Под синим небом на просторе.
Дышать полночную грозой,
Слетая листьями в канаву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.